

Живая история

А. В. Еропкин

Записки члена
Государственной
думы

Воспоминания
1905—1928

Живая история (Кучково поле)

Аполлон Еропкин

**Записки члена Государственной
думы. Воспоминания. 1905-1928**

Издательство «Кучково поле»

2016

УДК 82-94
ББК 63.3(2)52

Еропкин А. В.

Записки члена Государственной думы. Воспоминания. 1905-1928 /
А. В. Еропкин — Издательство «Кучково поле», 2016 — (Живая
история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0505-6

Мемуары А. В. Еропкина, русского публициста и общественного деятеля, охватывают период с 1905 по 1928 год. Он начинает их в то время, когда его избирают депутатом от Рязанской губернии в Государственную думу I созыва, и заканчивает уже в эмиграции, в Белграде, сотрудником газеты «Политика». Еропкин стал очевидцем переломного в истории России периода. Дума I и III созывов, где он входил в партию октябристов; война и ее восприятие внутри страны; революция; положение на Украине в 1918–1920 годах, куда автор был отправлен Земским страховым союзом, и в Крыму во время красного террора – вот те темы, которые освещаются в мемуарах. Достоинства этого произведения не исчерпываются исторической значимостью – живой, богатый язык, увлекательное изложение, знакомство автора со многими знаменитыми личностями той эпохи (С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. А. Столыпин и др.) делают мемуары интересными не только для специалистов, но и для всех любителей русской истории. Издание подготовлено по рукописи, хранящейся в Государственном архиве РФ. Вступ. ст. и коммент. К. А. Соловьева. Издано при поддержке Фонда «Связь Эпох». Публикуется по рукописи: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 1-380.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-9950-0505-6

© Ерошкин А. В., 2016

© Издательство «Кучково поле», 2016

Содержание

Депутат Еропкин и его воспоминания	7
Записки члена Государственной думы:	14
Глава I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	28

А. В. Еропкин
Записки члена Государственной
думы: Воспоминания. 1905 -1928

© ФКУ «Государственный архив РФ», 2016

© Соловьев К. А., вступ. ст., коммент., 2016

© Оформление. ООО «Кучково поле», 2016

Депутат Еропкин и его воспоминания

*Sic transit gloria mundi!*¹ К 1 марта 1917 года туман думской монархии рассеялся, а вместе с ним ушли в неизвестность герои газетных репортажей последних десяти лет – народные представители, и среди них Аполлон Васильевич Еропкин.

Он родился 3 декабря 1865 года в семье рязанских помещиков средней руки. Родовое имение Еропкиных Кораблино – это 385 десятин земли, просторный дом, огромный сад, экипажи, лошади – иными словами, дворянское гнездо, не приносявшее больших доходов, но неизменно поддерживавшее связь времен и поколений. В 1886 году А. В. Еропкин окончил рязанскую гимназию, а в 1890 году – юридический факультет Московского университета. В дальнейшем судьба уготовила ему место на государственной службе, в канцеляриях. В 1890–1893 годах А. В. Еропкин – чиновник особых поручений Рязанской казенной палаты, с 1893 года ее податной инспектор, а с 1899 года начальник отделения. В 1903 году он был приглашен в Департамент окладных сборов Министерства финансов для разработки Положения о государственном промысловом налоге². Этим торным путем А. В. Еропкин мог бы идти и дальше, если бы не революционные события 1905 года, которые землевладельцы Рязанской губернии ощутили в полной мере. И хотя имение Еропкина не пострадало, он тогда предпочел избавиться от значительной части своих владений, продав около половины земель крестьянам³.

Еропкин ушел с головой в политическую жизнь, готовясь к будущим выборам в Государственную думу. В Рязани образовался политический кружок, в который кроме Еропкина вошли князь Н. С. Волконский, присяжные поверенные Н. И. Родзевич и С. С. Климов. Впоследствии эта группа присоединится к «Союзу 17 октября», став основой рязанского отдела партии октябристов⁴. При этом А. В. Еропкин показал себя незаурядным публицистом. Он сотрудничал в ведущих журналах России: «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Народном хозяйстве» и т. д.⁵ Отличительная черта Еропкина как политического мыслителя и оратора – отсутствие какого-либо страха сказать то, что явно диссонировало с общественным мнением и настроениями аудитории.

Так, в 1905 году во время споров о вероятной системе выборов в Государственную думу он высказывал свое жесткое неприятие известной четыреххвостки: всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Он был убежден, что выборы в России не могут быть прямыми, так как это обеспечило бы тотальное доминирование крестьянства в представительном собрании. По мнению Еропкина, такое положение было чревато негативными последствиями. В таком случае не учитывались бы интересы ничтожно малых по сравнению с крестьянством групп, несмотря на то, что эти группы были как раз наиболее подготовленными к государственной деятельности. А. В. Еропкин предлагал ядро будущей Думы формировать из представителей земских собраний, конечно, при условии предварительного преобразования самого земства⁶. Эта точка зрения тем более естественна и органична, что «Союз 17 октября» часто именовали земской партией. Действительно, основу руководства объединения составляли председатели земских управ и предводители дворянства, кровно связанные с идеей упрочения положения органов местного самоуправления. «Отнимите у деревни земского учителя, земского доктора, земскую акушерку, земского агронома, земского ветеринара, какие же правительственные силы

¹ Так проходит мирская слава (*лат.*).

² Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М., 2006. С. 196–197.

³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 4–5.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Еропкин А. В. Земство и народ: К вопросу о народном представительстве. М., 1905. С. 17–18.

останутся в деревне? Урядник и сиделец винной лавки», – утверждал А. В. Еропкин на заседании Центрального комитета «Союза 17 октября» 19 января 1914 года⁷.

Однако правительство рассчитывало на крестьянство, ожидая, что оно пошлет в депутаты славянофилов и монархистов. По словам Еропкина, в избирательных собраниях все «тонуло в крестьянах». Рязанским либералам пришлось немало потрудиться, чтобы переманить одного из них на свою сторону, дабы и «господа» (в их числе и Еропкин) могли оказаться в Думе. Однако в I Государственной думе малочисленной группе октябристов, находившейся на периферии политических событий, оставалось лишь ждать неизбежного роспуска народного представительства⁸.

8 июля 1906 года Государственная дума была распущена, премьер-министром стал П. А. Столыпин, деятельность которого тесно переплелась с судьбой «Союза 17 октября». И по его «вине» 12 августа 1906 года могло бы стать последней датой в биографии А. В. Еропкина. На тот день бывшему депутату был назначен прием у председателя Совета министров. Перед тем как отправиться на Аптекарский остров к Столыпину, Еропкин заехал к товарищу министра финансов Н. Н. Покровскому, который и задержал гостя, невольно оказав тому большую услугу. В противном случае А. В. Еропкин мог бы оказаться среди 27 убитых или 32 раненых, сидевших в приемной премьера и пострадавших в результате террористического акта, направленного против Столыпина. Пароходик с Еропкиным лишь подходил к Аптекарскому острову, когда раздался оглушительный взрыв⁹.

Во II Государственную думу А. В. Еропкин не был избран. Но он не оставлял надежды на реформу избирательного законодательства, которая могла бы уравновесить крестьянские голоса дворянскими, купеческими, мещанскими. Еропкин составил по этому поводу записку и отправил ее председателю Совета министров через брата последнего – А. А. Столыпина, журналиста газеты «Новое время» и члена ЦК «Союза 17 октября». Этот проект во многом предвосхищал избирательный закон от 3 июня 1907 года¹⁰.

Новое положение о выборах давало октябристам шанс на победу, который нельзя было упустить. «Союз 17 октября» организовал специальный разъездной комитет, целью которого была агитация на местах в пользу кандидатов-октябристов. Место А. В. Еропкина среди ведущих ораторов партии не вызывало сомнений. Он объездил Саратов, Ростов, Новочеркасск, Калугу, Жиздру, Харьков, Полтаву. Основные оппоненты на предвыборных собраниях – кадеты. В Калуге пришлось соревноваться с В. П. Обнинским и Ю. А. Новосильцевым. Иногда сражался со «звездами» первой величины – А. А. Кизеветтером и Ф. И. Родичевым¹¹. Зная таланты кадетских ораторов, А. В. Еропкин как-то заметил члену Государственного совета М. В. Красовскому, что октябристам трудно с ними тягаться. «На это Красовский, лично не знакомый со мною, возразил: „Что вы? А Еропкин-то! Он им спуску не даст!“ – и принялся расхваливать меня же в глаза. С величайшим чувством неловкости я должен был его остановить и сказать ему, что я и есть Еропкин. Он смутился, и мы сухо расстались»¹².

А. В. Еропкин был избран депутатом III Государственной думы от Рязанской губернии. Вновь помогло соглашение с крестьянином. Октябристы провели в Думу крестьянина И. И. Лукашина, а он вместе со своими друзьями в ответ провел в депутаты рязанских октябристов: князя Н. С. Волконского, Д. А. Леонова, М. К. Сафонова и А. В. Еропкина¹³. Впереди пять бурных лет. «Третья Дума деловая, рабочая, я сказал бы, чернорабочая, потому что она

⁷ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК 1907–1915 гг. М., 2000. Т. 2. С. 456–457.

⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 37.

⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 36.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 43–44.

¹² Там же. Л. 44–45.

¹³ Там же. Л. 46.

взвалила на свои плечи всю тяжесть текущей законодательной работы», – говорил А. В. Еропкин. Он был членом пяти думских комиссий, докладчиком Бюджетной комиссии (в первую сессию и ее секретарем) и Комиссии по экономическим вопросам¹⁴. «Палата заседает в комиссиях», – цитировал известную английскую формулу А. В. Еропкин на предвыборном собрании 23 сентября 1909 года¹⁵. Однако он сам впоследствии признавался, что в «Бюджетной комиссии приходилось так много заниматься, что для работы в остальных комиссиях не оставалось времени»¹⁶ Еропкин пользовался известной популярностью: публика на галерке ждала его речей и специально приходила послушать докладчика¹⁷. Приезжал на его выступления и министр финансов В. Н. Коковцов, чтобы не оставить реплики Еропкина без ответа. А оратор подвергал жестокой критике министерство, обвиняя его в отсутствии какой-либо программы финансовой политики¹⁸. Очевидно, речи А. В. Еропкина производили столь же сильное впечатление и на товарища министра финансов Н. Н. Покровского. Так, ему хорошо запомнилось выступление Еропкина в ноябре 1909 года, посвященное законопроекту о налогах с городского недвижимого имущества. Эта речь имела существенное влияние на настроения в Думе. Депутаты из Финансовой комиссии буквально прибежали к Н. Н. Покровскому и попросили его выступить в защиту проекта: в противном случае его ждала печальная участь. Долгое выступление товарища министра лишь отчасти помогло делу: был принят переход к постатейному чтению, однако проект был передан на обсуждение особой комиссии, что заметно задержало его принятие¹⁹.

В 1911 году А. В. Еропкин совершил путешествие по России, осматривая результаты землеустроительных работ в ходе реализации реформ П. А. Столыпина. «Столыпин очень сочувственно отнесся к моей мысли осмотреть на месте, как идет дело землеустройства, и немедленно при мне по телефону отдал распоряжение, чтобы мне было оказано всякое содействие. Мне необходимо было спешно выехать из Петербурга, так как о маршруте своем я уже сговорился с министром Кривошеиным по телефону. Нами были намечены губернии: Витебская, Саратовская, Самарская и наша Рязанская. В первых трех губерниях хуторское устройство шло наиболее успешно; свою же Рязанскую я выбрал для сравнения, для контраста. Должен оговориться, что я предпринял эту поездку на свой счет и на свой риск. Дорогой я записывал свои впечатления и напечатал ряд статей в “Санкт-Петербургских ведомостях” под заглавием “По хуторам”». В Рязанскую губернию А. В. Еропкин отправился уже после смерти Столыпина. По его собственным словам, это было во многом по инерции²⁰. Он не верил, что реформы сохранят прежнюю динамику при новом правительстве.

Известность стоила Еропкину больших трудов. Жизнь депутата на два дома – в Петербурге и Москве – была в финансовом смысле весьма обременительна. «Приходилось еще работать в “Новом времени” и в “Голосе Москвы”, где я зарабатывал до 300 рублей в месяц построчно. Работа эта делалась нелегко: после заседания Думы, усталый, я садился за отчет думского заседания, чтобы ночью передать его по телефону в Москву»²¹. Имение Кораблино давало незначительный доход, так что приходилось искать дополнительный заработок. Как вспоминал коллега Еропкина по Думе С. И. Шидловский, «нельзя сказать, чтобы и жалованье в 4800 рублей (которое полагалось депутату. – К. С.), было особенно щедро к потребностям семейного рядового интеллигента, не имеющего средств. Уже через год после созыва тре-

¹⁴ Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. С. 197.

¹⁵ Партия «Союз 17 октября»: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК 1907–1915 гг. Т. 2. С. 67.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 55–56.

¹⁷ Там же. Л. 64.

¹⁸ Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 1-я. Стенографические отчеты. Т. 3. Стб. 3583.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 40. Л. 7 об.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 85.

²¹ Там же. Л. 73.

твей Государственной думы началась серия отказов и сложения полномочий по соображениям чисто материального свойства, и Дума потеряла чрезвычайно ценных работников... Для них существование в Петербурге на получаемое жалованье оказалось невозможным, и они с большим прискорбием были вынуждены отказаться от полномочий, которыми очень дорожили»²².

За помощью Еропкин обратился к члену Государственного совета, бывшему министру земледелия А. С. Ермолову, с которым был знаком еще по Рязанскому земскому собранию. Через несколько дней Еропкин получил приглашение от бывшего министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева: тот предложил занять место директора Ленского золото-промышленного товарищества – должность, обещающую зарплату в 500 рублей в месяц, не считая дополнительных доходов. Необходимость переизбрания прежнего совета директоров возникла под давлением общественного мнения после Ленского расстрела рабочих в 1912 году²³ А. В. Еропкин оставался в этой должности до 1917 года, когда путем обмана и интриги был смещен со своего поста²⁴.

Вскоре после назначения работа в «Лензото» стала основной для Еропкина, так как в IV Государственную думу он не попал. К 1912 году правительство коренным образом изменило свое отношение к октябристам. Местная администрация всячески стремилась подорвать шансы представителей центра и левого крыла партии на избрание в Думу нового созыва. Основным ресурсом для этого служило мобилизованное духовенство, строго подчинявшееся приказаниям церковного начальства. Именно благодаря голосам священников А. В. Еропкин был забаллотирован в Думу. Причем ему не хватило одного голоса – своего собственного: ведь Еропкин голосовал за всех кандидатов. Однако во время выборов процедура была нарушена, и их результаты удалось опротестовать. Но и со второго раза А. В. Еропкин депутатом не стал²⁵.

Февральские дни 1917 года Еропкин встретил в Петрограде. Он жил в самом эпицентре событий – на углу Литейного и Невского проспектов, и революция разворачивалась на его глазах. Еропкин свидетельствовал: «Волнения начались постепенно, и умная государственная власть, конечно, могла бы их потушить. Как и всегда, вопрос в буквальном смысле о куске хлеба; хлеба в Петербурге недоставало, и в то время избалованное население не привыкло еще и не признавало никаких очередей в ожидании покупки хлеба, и оно особенно негодовало, когда эта лишняя затрата времени оканчивалась ничем, когда булочник объявлял, что хлеба больше нет. Больше всех, конечно, волновались женщины, на которых главным образом и ложилась эта нудная обязанность стоять в очередях за хлебом. Первая толпа недовольных на Невском проспекте состояла в большинстве из женщин. Демонстрации все усиливались, и толпы на Невском появлялись все чаще. Для разгона этих демонстраций прибегали к конным отрядам казаков. Но казаки вели себя миролюбиво: стоит связываться с бабой?»²⁶ Власть прибегала ко все большей жестокости и тем самым все более себя дискредитировала. По мнению Еропкина, переломным моментом стала стрельба в толпу с чердаков на Невском проспекте. После этого ситуация вышла из-под всякого контроля²⁷.

С июля 1917 года, после отставки с поста директора Ленского золотопромышленного товарищества, А. В. Еропкин остался практически без всякого заработка. Он хватался за любую работу. Так, летом 1917 года по поручению обер-прокурора Святейшего синода В. Н. Львова он начал готовить доклад о церковном хозяйстве в России. Впоследствии патриарх Тихон отказался что-либо за это платить. И лишь официальная документация, подтвер-

²² Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923. Т. 1. С. 128–129.

²³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 74.

²⁴ Там же. Л. 77–78.

²⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 91–92.

²⁶ Там же. Л. 118–119.

²⁷ Там же. Л. 120.

ждавшая заказ, добытая в свое время с большим трудом, заставила новое руководство выдать необходимую сумму. Это был последний заработок Еропкина в старой России²⁸.

После октября 1917 года жизнь в Петрограде становилась все труднее. Еропкин вместе с семьей был вынужден регулярно выезжать в Финляндию «поесть хлеба»²⁹. Можно было поселиться в имении Кораблино, но там уже полновластно господствовали крестьяне.

Уже в эмиграции Еропкин не оставлял мысли о необходимости аграрной реформы в России. Он исходил из того, что принцип частной собственности должен быть в полной мере восстановлен. Это вынуждало поставить под сомнение факт национализации помещичьего землевладения. Но вместе с тем Еропкин признавал, что вернуть землю прежним владельцам уже не удастся. Для выхода из этого заколдованного круга он предлагал следующую финансовую операцию. Крестьяне получали в собственность захваченную землю, но в виде ипотечного кредита, который бы позволил расплатиться с помещиками. «Единственное, что различает предстоящую операцию от обычных банковских ипотечных операций – это отсутствие добровольного соглашения между сторонами, т. е. помещиками и крестьянами. Помещик уже согнан со своей земли, его право на землю уже нарушено...»³⁰ При этом Еропкин был убежден, что сельское хозяйство в России все равно вернется к крупным формам землевладения как наиболее эффективным³¹.

С 1918 года А. В. Еропкин работал в Земском страховом союзе. 20 августа 1918 года он отправился в командировку на Украину. На Еропкина была возложена обязанность вести переговоры с правительством гетмана П. П. Скоропадского о расширении сферы деятельности Московского страхового союза³². Ситуация, казалось бы, облегчалась тем, что заместителем министра внутренних дел Украины был бывший коллега Еропкина по Думе и по фракции октябристов С. Т. Варун-Секрет. Однако переговоры шли с большим трудом, натываясь на упорное сопротивление украинской стороны³³. Между делом Еропкин по поручению Земского страхового союза съездил в Ростов³⁴. Когда он вернулся в Киев в октябре 1918 года, там состоялось совещание бывших членов Государственной думы. Тон на нем задавал П. Н. Милоков. Присутствовавший на совещании Ф. И. Родичев советовал А. В. Еропкину не возвращаться в Москву, где его ждал неминуемый арест. Опасения Родичева подтвердил и бывший член ЦК партии «Союз 17 октября» Г. Г. Лерхе. Еропкин решил остаться на Украине. Благодаря протекции С. Т. Варуна-Секрета он получил работу в МВД в качестве уполномоченного по устройству украинских беженцев в Крыму³⁵.

В Крыму он встретил своего старого знакомого Н. Н. Богданова, министра внутренних дел в краевом правительстве. И уже от имени Крыма Еропкин был послан в командировку в Ростов для ведения переговоров о заключении займа и для зондирования почвы о возможности продовольственного снабжения. В сентябре 1919 года он вновь перебрался в Крым, а с 13 сентября – он уже в Феодосии³⁶. Тогда же Еропкин вошел в Комитет содействия Вооруженным силам Юга России. После отъезда Л. Л. Катуара он стал заведующим финансами комитета³⁷. В октябре 1920 года А. В. Еропкин наряду с В. Н. Коковцовым, П. Л. Барком, В. И. Гурко при-

²⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 143–145.

²⁹ Там же. Л. 154.

³⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 173.

³¹ Там же. Л. 178.

³² Там же. Л. 180.

³³ Там же. Л. 185.

³⁴ Там же. Л. 190.

³⁵ Там же. Л. 218–219.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 248.

³⁷ Там же. Л. 257–258.

нял участие в Экономическом совещании, где обсуждались перспективы финансовой помощи Белому движению, которое уже отсчитывало свои последние дни³⁸.

30 октября (12 ноября по нов. ст.) 1920 года П. Н. Врангель отдал приказ об эвакуации. В первую очередь готовился к отплытию офицерский корпус, что вызывало раздражение у всех остальных – безоружных, оставляемых на погибель. Толпы, скопившиеся в порту Севастополя, могли лишь гадать, хватит ли на всех мест³⁹. «Идут часы. День уже клонится к концу, на дворе уже вечер, а посадка все продолжается, и народу на молу все еще много. Как будто и не убавляется. И все идут какие-то военные части, больные и раненые из лазаретов, кадеты из корпусов, таможенные чины, комендатура и т. д. Опять военные впереди гражданских, убийственная сила привычки, как в городах за хлебом, так и покидая поля сражений»⁴⁰.

2 ноября пароход с беженцами прибыл в Константинополь⁴¹. Однако совершить разгрузку он не мог и стоял в гавани до 13 ноября, пока не отправился в Констанцу, в Румынию. Там будто бы королева ждала русских эмигрантов с распростертыми объятиями. В действительности в Румынии не знали, что делать с русскими беженцами, и после нескольких дней пребывания в порту Констанцы, пароход отправился к берегам Турции⁴². Наконец, 28 ноября беженцы были высажены в Греции, в Салониках, – без средств к существованию, предоставленные сами себе⁴³. А. В. Еропкин мучительно искал возможности для заработка. Он пробовал красить автомобили, пилить дрова на лесопильне, торговать готовым платьем. Однако ничего не выходило, всюду Еропкин терпел убыток. Больше удавалось его жене: она давала уроки музыки, работала переводчицей с французского языка при уполномоченной от Женевского Красного Креста. Эти первые месяцы скитаний на чужбине протекали на фоне очевидного падения нравов среди русской эмиграции: пьянство, азартные игры стали привычным занятием многих беженцев. Воровством уже промышляли бывшие генералы⁴⁴.

Весной 1921 года А. В. Еропкин с семьей переехал в Белград. Благодаря помощи представителей русской диаспоры он получил должность официала в Сресском суде, т. е. секретаря в уездном суде, как бы это называлось в Российской империи, а затем работу в Министерстве финансов Югославии⁴⁵. Вместе с тем с 1922 года он начал сотрудничать в югославской газете «Политика», где преимущественно освещал финансовые вопросы⁴⁶. Со временем работа в газете стала основной для Еропкина. Кроме того, он писал воспоминания, которые закончил в 1928 году.

Читатель этой книги может с легкостью убедиться, что воспоминания живые и яркие. Мемуарист был наблюдательным, ироничным и, что немаловажно, самокритичным человеком. Порой, полагаясь на память, он ошибался, допускал неточности, но при этом оставался искренним и откровенным рассказчиком.

Ныне рукопись воспоминаний хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335). В данном случае предлагается публикуемый впервые полный текст воспоминаний, подготовленный в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, при сохранении особенностей стилистики автора. Явные опечатки исправлены без оговорок.

³⁸ Там же. Л. 268.

³⁹ Там же. Л. 273–274.

⁴⁰ Там же. Л. 276.

⁴¹ Там же. Л. 281.

⁴² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335.. Л. 285–287.

⁴³ Там же. Л. 296.

⁴⁴ Там же. Л. 312–314.

⁴⁵ Там же. Л. 361–366.

⁴⁶ Там же. Л. 370.

К. А. Соловьев

Записки члена Государственной думы: Воспоминания. 1905–1928

Посвящается Николаю Пашичу⁴⁷ и Карелу Крамаржу⁴⁸

Ночь

*В России – ночь. И ночь в наших сердцах.
Скорбит душа за милую отчизну,
За наш народ, поверженный во прах.
Но и в изгнании, в беде, не станем править тризну.
Мы верим и живем надеждой на советский крах.
Он – близок, в этом нет сомнения.
Власть сатаны ничтожна пред Крестом.
Судьба пошлет России избавление
От этого кошмара «Совнарком»⁴⁹.*

*Нам утешением в несчастье и горе
Служили две звезды: Никола Пашич и Крамарж
Карел.
Их верный свет в тяжелой нашей доле
Созвездием Небесного Креста горел.
Пусть ночь темна; созвездие мерцает.
Пусть тяжело нам: оно зарю вещает.*

А. Еропкин

Глава I Первая революция и Государственная дума

– Что я вас хотел спросить, Аполлон Васильевич, только вы на меня не обижайтесь: правда ли болтают у нас на деревне, что мужичкам будут барскую землю делить? – спрашивал меня мой попутчик Константин Федоров, примостившись сзади меня на беговых дрожках, когда я объезжал в Кораблине свои поля.

– Что за вздор! Кто это тебе сказал?

– И я думаю, что пустяки болтают, – как-то нерешительно отвечает Константин Федоров. – Ребята наши сказывают, будто генерал проезжал, в звездах, царскую грамоту показывал: «Ждите, – говорит, – мужички, вся земля ваша будет».

Константин Федоров, умный, смывленный и бывалый мужик, присматривает у меня в имени за хозяйством, снимает в аренду базарную площадь; пользуется большим уважением в своем обществе и в волости; избирается председателем волостного суда и помощником церковного старосты. Его семья и его двор – одни из первых и самых богатых в селе. И все-таки рево-

⁴⁷ Пашич (Пашић) Никола (1845–1926) – сербский государственный деятель. В 1891–1892 и 1904–1918 гг. премьер-министр Сербии. В 1921–1926 гг. премьер-министр Королевства сербов, хорватов и словенцев.

⁴⁸ Крамарж (Kramář) Карел (1860–1937) – чешский общественный и государственный деятель. В 1918–1919 гг. премьер-министр чехословацкого правительства. В 1918–1931 гг. депутат парламента.

⁴⁹ Имеется в виду Совет народных комиссаров, т. е. советское правительство.

люционная пропаганда, нацеливающая крестьян на помещичью землю, оказывает и на него влияние, и он, видимо, смущен и не вполне мне доверяет как лицу заинтересованному, его берет большое сомнение. Не пропустить бы случай округлить свои поля из барских земель, таких близких и так хорошо удобренных.

– Почему же ты думаешь, что будут делить только барскую землю? Ведь и у тебя есть тридцать десятин купчей земли, а у твоего соседа душевая всего-то три десятины. Тогда и твоя земля должна пойти в раздел? – спрашиваю я его, заметив его сомнение.

– Известно, зря болтают, – сухо отвечает он, видимо, аргумент мой ему совсем не по душе. – Вон у барина Кисловского скотный двор сожгли и кровных лошадей порезали. Непременно мужичков пороть будут, – полувопросительно говорит он мне.

Кисловский⁵⁰ – мой сосед, богатый помещик и выдающийся хозяин. По убеждениям – заядлый крепостник, который, несмотря на свое огромное богатство, пошел в земские начальники⁵¹ по принципу, чтобы держать в руках окрестное население. Как-то случайно мне пришлось присутствовать во время разбирательства какого-то дела. Среди публики и сторон чувствовался трепет, и в продолжение какого-нибудь часа, пока я там сидел, земский начальник успел несколько раз оштрафовать присутствующих на суде за дерзкие ответы и за ослушание. Вокруг все трепетали. Имение Кисловского пострадало тогда одно из первых⁵²: крестьяне, как бы в отместку за его строгость, с каким-то остервенением уничтожили его усадьбу, и сам он едва спасся, убежав на ближайшую станцию железной дороги от разъяренной толпы. Все эти ужасы на него так подействовали, так потрясли его нервную систему, что он вскоре же и умер.

У меня в Кораблине первая революция прошла довольно спокойно, и семья моя благополучно провела все лето в своей усадьбе. Земля моя была в аренде у крестьян. Но в годы революции, т. е. в 1905 году, крестьяне аренду мне не заплатили: сход арендаторов собрался у меня во дворе, и крестьяне решительно заявили мне, что урожай был плохой, денег у них нет и платить аренду им не из чего. Их тон, их поведение, их взгляды, отведенные куда-то в сторону, их не прямые какие-то реплики казались мне странными. Но, зная повышенное революционное настроение окрестного крестьянского населения, я не считал возможным настаивать на уплате арендных денег. Впоследствии некоторые арендаторы мне сознавались, что деньги у них были, лежали приготовленными у каждого в кармане. Но они решили попробовать, пользуясь обстоятельствами, нельзя ли не платить? И эта попытка им вполне удалась.

Такие неожиданные перемены в поступлении доходов с имения совсем не входили в мои хозяйственные расчеты, и я решил продать часть пахотной земли при Кораблине⁵³. Однако кораблинские крестьяне, которым я предложил купить ту землю, которую они держали у меня в аренде, не пожелали ее покупать, весьма ясно намекая мне, что, дескать, ваша земля и так будет пока задаром.

Тогда я съездил в соседнюю деревню Михино, сговорился с михинскими крестьянами купить у меня землю, те охотно согласились и купили ее, к большому реприманду кораблинских крестьян.

Помню, как потом каждый раз при встрече со мной михинские крестьяне благодарили меня и славословили: «Вечно будем Бога за вас молить, только теперь мы и жителями стали на вашей земле».

⁵⁰ Вероятно, имеется в виду Кисловский Лев Львович (1860–?) – один из руководителей Всероссийского союза землевладельцев, помещик Рязанской губернии, владелец винных заводов.

⁵¹ В 1889 г. вместо мировых посредников и мировых судей появлялась должность земских начальников, которые не выбирались, а назначались напрямую министром внутренних дел (по представлению губернатора и губернского предводителя дворянства). Они получили значительные полномочия по вмешательству в работу волостных крестьянских сходок, в частности, могли влиять на выборный процесс. Они судили крестьян, приговаривали их к аресту и штрафам. В их руках сосредоточивалась административная и судебная власть.

⁵² Имеются в виду события времен Первой русской революции.

⁵³ Речь идет о селе в Рязанской области.

Оно и немудрено: я продал им землю при посредстве крестьянского банка по 200 рублей за десятину, которые почти целиком были выданы из банка, с самой ничтожной доплатой, кажется, по 10 рублей за десятину. Вскоре стоимость земли у нас поднялась до 300–400 рублей за десятину.

Кораблинские крестьяне схватились тогда за ум и Христом Богом молили меня продать и им землю. Мне очень хотелось удовлетворить их желание, тем более что арендаторы они были неисправные, мужики совсем нехозяйственные, ленивые и распущенные: сказывалось влияние близкого базара с его трактирами и чайными и, близкой станции железной дороги с ее легкими заработками, отвлекающими от земли. Я предпочитал крестьян соседних, бобровинских, где сохранились хозяйственные традиции и где легче было найти и организовать крепкую и исправную артель арендаторов, обладающих достаточным количеством скота и инвентаря. Так я и поступил, для чего пожертвовал еще частью пахотной земли, продав ее кораблинским крестьянам. Но зато имение мое уменьшилось наполовину.

Кроме разгрома нескольких имений в Рязанской губернии, первая революция отозвалась вообще слабо, хотя самый очаг этой революции – Москва – находился с нами совсем по соседству: Рязань от Москвы отстоит всего в 160 верстах, и многие рязанские помещики доставляли ежедневно молоко в московские молочные Блендова, Чичкина и др.

Конечно, московские революционные события отзывались и у нас в Рязани, где я жил в то время с семьей. Так, одно время совершенно прекратилось железнодорожное движение вследствие общей рабочей забастовки, когда в Москве остановились не только поезда, но и трамваи, и водопроводы, и освещение⁵⁴. Вся Москва, погруженная в темноту, ходила пешком; в провинции возобновилось сообщение доброго старого времени на перекладных или на долгих; брат моей жены отправился из Рязани в Москву на лошадях, о чем давно уже забыли и думать.

Можно смело утверждать, что первая революция, разразившаяся в Москве и перекинувшаяся затем в Петербург, не успела охватить более широкий район, и в то время как в Москве строились баррикады (на знаменитой Пресне)⁵⁵ и лилась кровь, в Рязани, в расстоянии 160 верст, лишь с тревогой прислушивались к тому, что творится в Белокаменной. Газеты в то время перестали выходить; телеграф и почта не действовали; довольствовались только слухами от приезжавших из Москвы.

В Рязани несколько позже произошли тяжелые события еврейского погрома, которые, в сущности, никакого отношения к революции в Москве не имели. Нам, постоянным жителям Рязани, дико было видеть этот ни на чем не основанный погром, когда грабили и обижали хорошо всем известных рязанских обывателей. Громили, например, портного Курпеля, у которого полгорода заказывало себе платье; часовщика Евелева, почтенного человека, дочери которого славились в Рязани своей красотой. Про еврейскую бедноту я и не говорю: над ней особенно куражились погромщики, выпуская пух из их семейных перин, так как пограбить там было совершенно нечего.

Мой знакомый еврей Липец, живший как раз против меня, очень искусный врач, лечивший и меня, и мою семью, очень смирный и гуманный человек, вдовец, посвятивший всю свою жизнь своей дочери, так был напуган этим сплошным погромом всех евреев, что немедленно отправился на вокзал и уехал в Козлов⁵⁶; но так как в Козлове и вообще во всех смирных городах также происходили еврейские погромы, то он из Козлова опять приехал в Рязань, а затем опять вернулся в Козлов и путешествовал так до тех пор, пока погромы не прекратились.

⁵⁴ Имеется в виду Всеобщая октябрьская политическая стачка.

⁵⁵ Имеются в виду события Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г.

⁵⁶ Ныне город Мичуринск Тамбовской области.

Впоследствии он рассказывал мне, что по дороге он очень соблазнился сойти на станции Кораблино и отправиться ко мне в имение, где он бывал у меня в качестве врача, но все же не решился этого сделать, не знаю почему.

Я совершенно не верю тому, будто погромы эти организованы были полицией, чтобы отвлечь внимание темной массы от революции. За Рязань можно поручиться, что там этого не было, так как и губернатором там был очень порядочный человек – Ржевский⁵⁷. Я думаю, что власть просто растерялась и не знала, что предпринять. Но когда она пришла в себя и взялась за усмирение буйствующей толпы, то и погромы быстро прекратились. Я помню, как наш милейший и смиреннейший губернатор гарцевал по городу на белом коне, как Скобелев среди неприятеля, вероятно, и себя воображая также героем-усмирителем.

Общее впечатление от всех этих событий в Рязани осталось грустное и глупое.

Манифест 17 октября 1905 года

Я не стану останавливаться на том, что происходило в это время в Москве и в Петербурге, так как пишу лишь собственные воспоминания и не присутствовал сам в столицах. Но слухи, конечно, доходили и до нас, особенно о ближайших к нам московских событиях. Мы знали, например, о так называемой карательной экспедиции генерала Мина⁵⁸ с гвардейским Семеновским полком по линии Московско-Рязанской железной дороги, особенно на станции Коломна, отстоящей всего в 60 верстах от Рязани: там были и расстрелы. Какое ужасное впечатление в то время производили эти расстрелы; с каким страхом, предосторожностями и с оглядкой передавалось тогда об этих расстрелах карательного отряда. И как жестоко впоследствии своей жизнью поплатился за это генерал Мин.

Генерал Мин на железных дорогах и адмирал Дубасов⁵⁹ в Москве строжайшими мерами водворили порядок и восстановили правильную жизнь. Водворять порядок во всей стране в общегосударственном масштабе пало на долю графа Витте⁶⁰, только что вернувшегося в Петербург триумфатором, победоносно закончившим Японскую войну не на полях сражений в Маньчжурии, где ее проиграл генерал Куропаткин⁶¹, а в Портсмуте, за дипломатическим столом⁶².

Граф Витте с честью вышел из своей труднейшей роли, вовсе и не будучи дипломатом, а лишь умелым государственным человеком большого масштаба. После Портсмутского мира, как известно, Витте вернулся в Петербург графом, получив это достоинство от Николая II за удачное завершение неудачной войны. Не успел граф Витте опомниться от одного очень тяжелого и ответственного государственного поручения по заключению мира с японцами, как его ожидало еще более ответственное – по водворению порядка внутри страны, взбудораженной

⁵⁷ Ржевский Сергей Дмитриевич (1851–1914) – государственный деятель. С 1896 г. тамбовский, с 1904 г. рязанский губернатор. В 1905 г. подал в отставку.

⁵⁸ Мин Георгий Александрович (1855–1906) – военный деятель, генерал-майор Свиты (с 1906 г.). В 1904 г. возглавил Семеновский полк. Участвовал в подавлении Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Убит террористкой.

⁵⁹ Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) – русский военачальник, адмирал (с 1906 г.). В 1905 г. подавлял крестьянские восстания в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях. Руководил подавлением Декабрьского вооруженного восстания в Москве. В 1905–1906 гг. московский генерал-губернатор.

⁶⁰ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, граф (с 1905 г.). Инициатор важнейших реформ в сфере финансовой политики (введение винной монополии, золотого рубля и т. д.). С 1903 г. председатель Комитета министров. 5 сентября 1905 г. подписал Портсмутский мирный договор, за что был удостоен титула графа. В 1905 г. возглавил делегацию для мирных переговоров с Японией. С октября 1905 по апрель 1906 г. председатель Совета министров. После своей отставки оставался членом Государственного совета.

⁶¹ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (с 1900 г.), генерал-адъютант (с 1902 г.). В 1898–1904 гг. военный министр. В 1904–1905 гг. главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами в Русско-японской войне. В Первую мировую войну в 1915 г. командовал корпусом, затем 5-й армией, в 1916 г. Северным фронтом. В 1916–1917 гг. туркестанский генерал-губернатор.

⁶² Имеется в виду Портсмутский мирный договор с Японией.

неудачной войной и революцией. Для всех было ясно, что, кроме Витте, этого поручить было некому.

Граф Витте очень подробно рассказывает в своих воспоминаниях, как именно происходили все эти события, приведшие к знаменитому Манифесту 17 октября 1905 года⁶³ – нашей первой конституции, давшей России Государственную думу⁶⁴.

Автор прямо указывает и называет всемогущего в то время при дворе великого князя Николая Николаевича⁶⁵. Никаких возражений или опровержений со стороны великого князя не последовало. Следовательно, показания графа Витте верны. Когда в присутствии государя граф Витте поставил великому князю Николаю Николаевичу прямой вопрос, ручается ли он за исход диктатуры, то великий князь ответил, что при современном состоянии и настроении войск диктатура невозможна. Следовательно – конституция?

Основы Конституции были выработаны графом Витте в очень тесных пределах: Манифест 17 октября давал русскому народу выборное представительство – Государственную думу и выборную половину верхней палаты – Государственного совета. Но он не давал ответственного перед Думой министерства и оставлял за верховной властью право veto⁶⁶ по всякому законопроекту⁶⁷. По своему изумительному искусству успокаивать и усыплять общественное мнение граф Витте умел дать минимум просимого к взаимному удовлетворению.

С русской конституцией повторилось то же, что и с японскими требованиями в Портсмуте: весьма большой запрос и малое удовлетворение.

Баррикады на улицах Москвы, всеобщая забастовка рабочих; повсеместно вспыхивающие крестьянские восстания; бунты в воинских частях, застрявших в Сибири; откровенное признание великого князя, что военная диктатура невозможна. И в результате Манифест 17 октября – весьма ограниченная конституция. Но зато какие свободы: совести, слова, печати, собраний!⁶⁸ Посмотрите литературу этого свободного периода, и вы будете поражены цинизмом политических памфлетов: иллюстрации к этим памфлетам были только кроваво-красные. Собrania созывались всеми, кому только не было лень; даже гимназисты и гимназистки младших классов и те созывали свои собрания и выносили резолюции, прежде всего, конечно, всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосов, а затем уже о своих маленьких личных счетах со строгими учителями. Даже чиновники Казенной палаты, где я служил, сочли нужным созвать свое собрание. Так как им импонировали мои литературные работы и мое ласковое отношение, то они пожелали видеть меня в качестве председателя своего собрания. И что же? Все собрались, столпились около дверей в присутствие, но материала для обсуждений ни у кого не оказалось. Выбрали своих представителей в модные тогда союзы, немного погалдели и пошли домой обедать.

Все эти свободы, как масло на воде, совершенно успокоили бурю и волны народных страстей. Манифест 17 октября манил величием народных достижений. А все же Хрусталев-Носарь⁶⁹ в Петербурге был арестован.

⁶³ Имеется в виду Манифест об усовершенствовании государственного порядка.

⁶⁴ Манифест 17 октября 1905 г. провозглашал созыв Государственной думы.

⁶⁵ Николай Николаевич, великий князь (1856–1929) – военный и государственный деятель, генерал-адъютант (с 1894 г.), генерал от кавалерии. Внук Николая I. С 1905 г. председатель Совета государственной обороны. В 1914–1915 гг. главнокомандующий Российской армией. С 1919 г. в эмиграции.

⁶⁶ То есть право отклонять любой законопроект.

⁶⁷ А. В. Еропкин в данном случае ошибается. В Манифесте 17 октября 1905 г. не были зафиксированы прерогативы Думы и императора. В сущности, это был декларативный акт. Полномочия законодательных учреждений были определены в Основных государственных законах 23 апреля 1906 г.

⁶⁸ Согласно Манифесту 17 октября 1905 г. даровались «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

⁶⁹ Носарь Георгий Степанович (он же Хрусталев Петр Алексеевич) (1877–1919) – общественный и политический деятель. Член «Союза Освобождения». В октябре – ноябре 1905 г. председатель Петербургского совета рабочих депутатов. Был арестован.

Крестьянские волнения постепенно затихли, и войска из Японии мирно разошлись по домам.

Теперь, через двадцать пять лет, особенно ярко чувствуется государственный, мало сказать, ум, но гений графа Витте, величайшего государственного деятеля при двух императорах. К сожалению, Николай II его мало понимал и мало ценил: последние годы своей жизни он был в опале, не у дел. А между тем не кто иной, как Витте, на двенадцать лет отсрочил падение империи и гибель династии.

Кто знает, если бы граф Витте был жив и стоял во главе управления, какой оборот и какое течение приобрела бы вторая русская революция? Уже одно то, что граф Витте был ярким противником войны с немцами⁷⁰, доказывает, что его проницательный ум предвидел грядущие беды.

Граф Витте, призванный к власти в период первой революции, отлично понимал, что никакие съезды общественных деятелей, собиравшихся в барских или купеческих особняках будирующей Москвы; никакие рабочие выступления, инсценированные попом Гапоном⁷¹; никакие Хрусталевы-Носари не страшны для государственной власти и порядка. Граф Витте умел хорошо считать, и язык цифр управлял его волей и рассудком. Он понимал, что в России существуют только две страшные народные стихии – это крестьянство и войско. В своих записках граф Витте прямо высказывает, что для Европы Россия импонировала только военной мощью. Россия – военное государство, и больше ничего. Боже сохрани поколебать военный авторитет России, ибо в таком случае от великой державы останется пустое место. События 1917 года показали, насколько был прав Витте. И когда войска из Сибири мирно разошлись по домам, а успокоенная деревня, обрадованная благополучным возвращением своих близких, родных от желтых басурман, мирно принялась за обычный труд, граф Витте знал, что революция закончена, осталась лишь революционная накипь, сор после бури, убрать который он предоставил министру Дурново.

Разве переговоры, которые вел граф Витте с общественными деятелями, не показывают всю дальнзоркость его государственного ума? Граф Витте готов был пригласить в свой Кабинет общественных деятелей для умиротворения общественного мнения, но он предлагал им не ответственные министерства: земледелия, промышленности, просвещения и контроля, ибо он знал, что они слишком неопытны в деле государственного управления. Но тогда общественные деятели поставили условием своего выступления в Кабинете графа Витте удаление министра внутренних дел Дурново⁷².

События 1917 года еще раз показали, что граф Витте был прав⁷³.

Кабинет общественных деятелей, куда приглашались: Стахович⁷⁴, князь Трубецкой⁷⁵, А. Гучков⁷⁶, Шипов⁷⁷, граф Гейден⁷⁸, не состоялся⁷⁹.

стован, приговорен к пожизненному поселению в Сибири. В 1907 г. бежал за границу. Вошел в РСДРП. Стронник синдикализма. В 1918 г. руководил самопровозглашенной Переяславской республикой. В 1919 г. расстрелян по решению Переяславского ревкома.

⁷⁰ Имеется в виду Первая мировая война.

⁷¹ Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник. В 1904 г. при поддержке Департамента полиции организовал «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Инициировал составление петиции петербургских рабочих императору, встал во главе шествия к Зимнему дворцу 8 января 1905. Убит эсерами за связь с полицией.

⁷² Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – государственный деятель. С 1893 г. сенатор. В 1905–1906 гг. министр внутренних дел. С 1906 г. член Государственного совета, лидер правой группы.

⁷³ Имеется в виду опыт деятельности Временного правительства.

⁷⁴ Стахович Михаил Александрович (1861–1923) – политический и общественный деятель. В 1895–1907 гг. орловский губернский предводитель дворянства. Один из основателей партии «Союз 17 октября». В 1905–1906 гг. член ЦК партии. Вышел из ее состава и участвовал в организации Партии мирного обновления. Был депутатом I и II Государственной думы. В 1907–1917 гг. член Государственного совета. В 1912–1914 гг. член ЦК прогрессистов. В 1917 г. финляндский генерал-губернатор.

⁷⁵ Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863–1920) – философ, правовед, общественный и политический деятель. В

1905 г. участвовал в организации конституционно-демократической партии, член ее ЦК; занимал в партии умеренные позиции.

⁷⁶ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – общественный и политический деятель; один из основателей и лидер партии «Союз 17 октября». Депутат и с 1910 г. председатель III Государственной думы. В 1907 г. и с 1915 г. член Государственного совета. В 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета. 2 марта 1917 г. вместе с В. В. Шульгиным принял отречение Николая II. С марта 1917 г. первый военный и морской министр Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции.

⁷⁷ Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) – общественный и политический деятель. Один из основателей «Союза 17 октября», член ЦК партии. В 1906 г. вышел из нее из-за принципиальных разногласий с А. И. Гучковым. Один из основателей Партии мирного обновления. С 1906 г. член Государственного совета.

⁷⁸ Гейден Петр Александрович, граф (1840–1907) – общественный и политический деятель, юрист; один из основателей «Союза 17 октября». В 1906 г. депутат I Думы от Псковской губернии. В июле 1906 г. вышел из партии октябристов и участвовал в создании Партии мирного обновления, член ее ЦК.

⁷⁹ В октябре 1905 г. шло формирование нового органа власти – Совета министров, образованного указом 19 октября того же года. Его председатель С. Ю. Витте инициировал переговоры с общественными деятелями о возможном вхождении в состав правительства. 19 октября он встретился с лидером умеренного направления земского движения Д. Н. Шиповым и предложил ему занять должность государственного контролера. Д. Н. Шипов обусловил свое вхождение в состав правительства приглашением в него и других общественных деятелей, принадлежавших к конституционно-демократической партии. При этом они должны были получить портфели министров внутренних дел, юстиции, земледелия, торговли и промышленности, народного просвещения. С. Ю. Витте выразил на это свое согласие. В ходе беседы Д. Н. Шипов выдвинул кандидатуры С. А. Муромцева (на должность министра юстиции), Г. Е. Львова и И. И. Петрункевича, как возможных министров внутренних дел и земледелия. Сам С. Ю. Витте назвал имена Е. Н. Трубецкого как претендента на пост министра народного просвещения и А. И. Гучкова, вероятного будущего министра торговли и промышленности. Для ведения дальнейших переговоров С. Ю. Витте обратился с телеграммой к председателю бюро земских съездов Ф. А. Головину. 20 октября бюро образовало делегацию к председателю Совета министров в составе Ф. А. Головина, Ф. Ф. Кокоткина и Г. Е. Львова, которые вечером того же дня выехали в Петербург. 21 октября они были приняты С. Ю. Витте. В качестве условий, предвалявших обсуждение кадровых предложений, были выдвинуты требования созыва Учредительного собрания, избранного путем всеобщего, прямого, тайного и равного голосования, для принятия Основного закона Российской империи; немедленного проведения в жизнь гражданских прав человека, провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г.; амнистии для всех политических преступников. По согласованию с С. Ю. Витте содержание беседы было изложено в газете «Русские ведомости» 23 октября 1905 г. 22 октября председатель Совета министров встретился с Д. Н. Шиповым и А. И. Гучковым, которым объявил о невозможности продолжения переговоров с бюро земских съездов ввиду неприемлемости выставленных ими условий. Также он сообщил о состоявшемся назначении Д. Н. Шипова на должность государственного контролера. Однако последний выразил свое категорическое несогласие, так как не были учтены его изначальные требования. На следующий день во время аудиенции у императора Д. Н. Шипов повторил мысль о необходимости включить в правительство представителей левого крыла либерального движения, наиболее влиятельного на современном этапе. Император выразил свое согласие с мыслями Д. Н. Шипова. 23–24 октября состоялись совещания у С. Ю. Витте, на которых кроме председателя Совета министров присутствовали обер-прокурор Святейшего синода А. Д. Оболенский, а также общественные деятели: А. И. Гучков, М. А. Стахович и Д. Н. Шипов. 24 октября к ним присоединился вызванный в Петербург Е. Н. Трубецкой. Последний по совету редакции газеты «Право» и П. Н. Милюкова отказался от предложенного ему портфеля министра народного просвещения. В ходе этих консультаций С. Ю. Витте с общественными деятелями выяснилось, что ключевой вопрос – имя будущего министра внутренних дел. С. Ю. Витте был намерен предложить этот пост профессиональному бюрократу с хорошим знанием особенностей полицейского дела. Указанные им кандидатуры П. Н. Дурново и Д. Ф. Трепова представителями общественности были категорически отвергнуты. Наиболее приемлемым вариантом для обеих сторон оказался С. Д. Урусов. Утром 26 октября А. И. Гучков, М. А. Стахович, Е. Н. Трубецкой, Д. Н. Шипов были вновь приглашены к С. Ю. Витте. Председатель Совета министров в присутствии С. Д. Урусова объявил общественным деятелям о назначении министром внутренних дел П. Н. Дурново; С. Д. Урусов назначался его товарищем. Приглашенные представители общественности выразили свое резкое неприятие этого решения и отклонили сделанное им ранее предложение. В ходе этих переговоров С. Ю. Витте пришла информация о некоторых скандальных фактах из биографии будущего министра внутренних дел, что заставило его поставить под сомнение возможность этого назначения. Тем не менее общественные деятели, убежденные в неискренности председателя Совета министров, отказались от дальнейшего обсуждения вопроса. Д. Н. Шипов также мотивировал невозможность переговоров ввиду решения С. Ю. Витте не вести диалог с радикально настроенным большинством земского движения. 27 октября участники совещаний послали на имя председателя Совета министров письменные объяснения своего решения. С. Ю. Витте обратился за советом к П. Н. Милюкову относительно перспектив формирования кабинета с участием общественных деятелей. При личной встрече П. Н. Милюков предложил отказаться от этой идеи, так как в сложившихся обстоятельствах привлечь представителей либерального движения в Кабинет министров невозможно. Чтобы качественно изменить общественную ситуацию, следовало доказать приверженность новой власти принципам конституционализма. «Произнесите слово: конституция. Опять-таки для ускорения и для упрощения дела позвоните сегодня кого-нибудь и велите перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю для подписи и послезавтра опубликуйте. Это будет конституция октроированная, и вас будут бранить за такой образ действий, но потом успокоятся, и все войдет в норму» (Милюков П. Н. Три попытки. Париж, 1921. С. 24–25). С. Ю. Витте возражал, что подобное решение было бы неприемлемо для императора. Идея же создания «делового» кабинета, а не правительства «общественного доверия» оказалась созвучной взглядам самого

Выборы в первую Думу

В это время в Рязани я принимал большое участие в общественной деятельности, состоя членом Ряжского, Скопинского и Рязанского уездных и Рязанского губернского земских собраний и Рязанской городской думы. Мои литературные работы дали мне имя⁸⁰. Немудрено, что и при выборах в первую Государственную думу я намечался в качестве кандидата.

Образовался наш небольшой предвыборный кружок, состоявший из меня, князя Волконского⁸¹, Климова⁸², Родзевича⁸³ и Федоровского⁸⁴.

Партии политические в то время еще только намечались, и, например, кадетская партия в Рязани не пользовалась никакой популярностью, имела очень слабых представителей: Елагина, страхового агента, и Дворжака, также агента, родом из Чехии. Впоследствии во время выборов к нам примкнули социалисты из местных земских служащих: агроном Португалов⁸⁵, санитарный врач Успенский и агроном Середа⁸⁶ – будущий народный комиссар у Ленина.

Авторитет Рязани стоял в то время гораздо выше, хотя мы твердо держались основ Манифеста 17 октября и вошли затем в партию октябристов⁸⁷. Наибольшей популярностью в земстве пользовался князь Волконский, речи которого в губернском собрании составляли целое событие в Рязани. Климов и Родзевич были давнишними присяжными поверенными либерального направления, имена которых пользовались широкой известностью.

У меня, более молодого сравнительно с ними, составилось литературное имя: я сотрудничал в то время в наиболее прогрессивных органах печати: «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Народном хозяйстве», «Вестнике финансов».

Федоровский был совсем еще молодой человек, только что вернувшийся с войны, офицер, успевший, однако, завоевать симпатии земских кругов своей искренностью и либеральным образом мысли. Душой нашей избирательной кампании был Родзевич, старый, матерый, обстрелянный волк, искусный хитрец, который умел своего противника с самыми любезными приемами, что называется, обвести вокруг пальца. Климов славился в Рязани своей неподкупной честностью, знаниями и ораторскими способностями. Понятно, что в таком комплоте⁸⁸ наши противники из страховых агентов нам совсем не были страшны. Об их кандидатуре в Думу никто и не говорил серьезно.

Опасность была совсем с другой стороны, со стороны избирательного закона в Думу. Здесь, по крайнему обременению занятиями или по незнанию крестьянской среды, графом Витте был допущен большой промах: он положился на проект выборов в Государственную думу, составленный еще ранее его министром Булыгиным⁸⁹, славянофилом маниловской

председателя Совета министров, и в итоге именно она была реализована.

⁸⁰ Имеются в виду в том числе следующие работы: Исследование по некоторым податным вопросам надельного землевладения. Ряжск, 1898; Из практики раскладочного сбора. [Б. м.], 1902; Выкупные платежи и земельный фонд. СПб., 1906.

⁸¹ Волконский Николай Сергеевич, князь (1848–1910) – общественный и политический деятель; участвовал в создании «Союза 17 октября». Депутат I и III Государственной думы от Рязанской губернии.

⁸² Климов Сергей Семенович (1849–1907) – общественный деятель; член «Союза 17 октября». С 1906 г. член Государственного совета.

⁸³ Родзевич Николай Игнатьевич (1847–1921) – общественный и политический деятель. В 1906–1912 гг. рязанский городской голова. Председатель Рязанского отдела «Союза 17 октября». Депутат IV Государственной думы от Рязанской губернии. Член фракции прогрессистов. В 1915–1916 гг. член Прогрессивного блока.

⁸⁴ Федоровский Владимир Капитонович (1871–?) – общественный и политический деятель. С 1905 г. член партии кадетов. Член I Государственной думы от Рязанской губернии. Входил во фракцию Партии демократических реформ. Подписал Выборгское воззвание. Участвовал в Первой мировой войне. В 1916 г. пропал без вести.

⁸⁵ Португалов Александр Вениаминович (1870–?) – агроном.

⁸⁶ Середа Семен Пафнутьевич (1871–1933) – общественный и политический деятель. С 1903 г. член фракции большевиков. В 1918–1921 гг. нарком земледелия.

⁸⁷ Имеется в виду «Союз 17 октября».

⁸⁸ Комлот – преступный заговор, союз против кого-либо.

⁸⁹ Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) – государственный деятель, гофмейстер (с 1896 г.), статс-секретарь (с

складки, веровавшим и идеализировавшим святые качества богоносца, готового якобы положить жизнь свою за веру, царя и Отечество. За этой отвлеченностью идеалисты проморгали современную действительность; уроки первой революции их нисколько не отрезвили, и они всецело построили систему избирательного закона в Государственную думу на крестьянстве⁹⁰. Граф Витте этот закон одобрил. Ошибка сказалась, лишь когда первая Государственная дума собралась. Революционная дума, которая просуществовала семьдесят два дня и, затем была распущена, причем на долю министра Столыпина⁹¹ выпала тяжелая задача менять избирательный закон, вошедший в конституцию⁹².

Ошибка первого избирательного закона заключалась в том, что крестьяне своей массой совершенно поглощали всех остальных избирателей. Этим обстоятельством воспользовались агитаторы, которые тотчас начали натравливать крестьян против буржуев и помещиков. Прибавим, что для каждого избирателя были большой приманкой 10 рублей суточных, назначенных по закону членам Государственной думы: триста рублей в месяц для интеллигентного работника являлись обычной его месячной платой, но для крестьянина это представлялось огромным заработком.

Я был свидетелем, как крестьяне-избиратели, забаллотировав всех кандидатов, сплошь баллотировались в члены Государственной думы, предварительно перекрестившись: помоги Бог! Их нисколько не смущало, что они получали при этом по три, по четыре избирательных пера из сотни. Они все-таки продолжали зря тратить время, надеясь, что Бог поможет.

Я не стану подробно рассказывать всю процедуру этих выборов. Я лишь передам более интересные моменты этих выборов в Рязани.

Предвыборное наше собрание для окончательного назначения кандидатов в члены Думы было назначено в помещении Общества сельского хозяйства, президентом которого был Родзевич. Он как хозяин и был избран председателем собрания. Народу собралось много, разнохарактерного, но с одной общей чертой: стремлением попасть в Думу.

На Родзевича пала чрезвычайно трудная задача укрощения строптивых, и я до сих пор вспоминаю с наслаждением, как изумительно искусно, деликатно он выполнил эту задачу: он прямо поставил вопрос, что надо подавить в себе желание попасть в Думу, ибо избирателей – сотни, а выбрать надо всего восемь человек, из которых три крестьянина и один рабочий.

Записками были указаны кандидаты в Думу: князь Волконский, я и Федоровский; от городов был назначен Ярцев⁹³. Родзевич горячо поддерживал наши кандидатуры и убеждал, чтобы голоса не раскалывались, иначе никто не пройдет, а пройдут одни крестьяне.

Однако на первый день выборов никто не пришел. На второй день выборы должны были идти уже по относительному большинству. Так как шесть «господ» и «крестьян» были одинаковы, то необходимо было на нашу сторону перетащить хотя бы одного человека с противоположной стороны. Так оно и произошло: мы все прошли одним голосом и сами провели депутата от рабочих Гостева⁹⁴. От крестьян прошли неизвестные люди, и в Думе их тотчас обработали; все они попали во фракцию трудовиков.

В Государственной думе

1913 г.). В 1905 г. министр внутренних дел. В том же году стал членом Государственного совета; принадлежал к правой группе.

⁹⁰ Положения о выборах 11 декабря 1905 г. предполагали доминирование крестьянства в будущей Государственной думе.

⁹¹ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – русский государственный деятель. С апреля 1906 г. министр внутренних дел. С июля 1906 г. председатель Совета министров. Инициатор проведения правовых, социальных, экономических преобразований.

⁹² А. В. Еропкин ошибается. Положения о выборах не вошли в Основные государственные законы 23 апреля 1906 г.

⁹³ Ярцев Николай Иванович (1854–1916) – общественный и политический деятель. В 1898–1916 гг. зарайский городской голова. Депутат I и IV Государственной думы от Рязанской губернии. Депутат фракции октябристов.

⁹⁴ Гостев (он же Захаров) Дмитрий Григорьевич (1867–?) – депутат I Государственной думы от Рязанской губернии. Рабочий фабрики Хлудовых в Егорьевске. Член Трудовой группы.

Я хорошо помню тот священный трепет, то благоговейное чувство, с которым я вступал в зал Государственной думы⁹⁵ еще накануне заседания, чтобы ознакомиться и занять для себя место. Я вступал туда, как в какое-либо святилище. Вот он, тот храм народного представительства, которого добивалось столько поколений и за который люди шли на каторгу.

Огромный полутемный зал, где амфитеатром идут кресла для депутатов, мягкие, откидные, серо-сиреневого цвета, кожаные. Напротив – высокая трибуна для ораторов, куда подниматься надо по нескольким ступеням; еще выше, над ней, председательская трибуна с тремя креслами для председателя Государственной думы и двух его товарищей. Сзади них, еще выше, портрет государя во весь рост. Впечатление величественное, особенно когда зал залит электричеством от трех старых люстр, спускающихся с потолка. Министерская ложа помещалась с правой стороны от председательской трибуны, против депутатов. Ложа для корреспондентов – с левой стороны, одинаковая с министерской. Места для публики – на хорах вокруг всей залы.

Впоследствии я осматривал в Париже палату депутатов: куда хуже русской Государственной думы. Там министры сидят в первом ряду депутатских мест; все как-то мизернее; нет этого величия, этой старины нашего Таврического дворца, где огромная Екатерининская зала с колоннами превращена была в кулуары и роскошью и размерами превосходила залу заседаний. Когда-то в Екатерининской зале происходили роскошные балы, и здесь с царственным величием выступала Екатерина II, журия хозяина⁹⁶ этого загородного дворца за расточительность. Вокруг всего дворца старинный тенистый Таврический сад.

А в палате депутатов в Париже кулуары – это просто коридор с каменными полами.

Итак, мы в Государственной думе. На завтра назначен прием Думы государем в Зимнем дворце. Все это для нас ново и чрезвычайно интересно. Ново и для двора, и для дворца, впервые принимающего в своих покоях народных представителей со всей необъятной России в числе 442 человек.

28 апреля⁹⁷. Ясный и теплый день. Приезд в Зимний дворец по строго определенному маршруту, кому с какого подъезда входить. Особой суеты не заметно благодаря порядку, хотя во дворец съезжаются положительно все: двор, генералитет, Сенат, Кабинет министров⁹⁸, Государственный совет и Государственная дума. Нас, членов Думы, ведут анфиладой комнат в Тронный зал. Кругом нас шпалерами выстроились придворные, особенно дамы, которые с любопытством оглядывают нас как диковину. И действительно, для дворца картина необычная: 442 человека в странных по смеси костюмах, начиная с безукоризненных фраков и кончая зипунами и смазными сапогами; здесь и сюртуки, и пиджаки, и косоворотки, и длинно полые кафтаны, и щеголеватые кунтуши⁹⁹ польских депутатов, и рясы священников, и католические сутаны.

Но и мы не менее изумлялись на атласные сарафаны и кокошники придворных дам, особенно старушек с обнаженными пергаментными <...>, высушенных как мумии и выглядевших какими-то музейными экспонатами. Едва ли взаимные наши взгляды были приветливы. Государственную думу поместили по правую сторону трона, тотчас за Государственным советом – безукоризненными джентльменами во фраках с лентами и звездами. Напротив нас помещались: великие князья, придворные дамы, правительство, Сенат, генералитет. Особенно эффектно выделялся Сенат в своих красных мундирах, расшитых золотом. В противоположность нашей, черной, стороне, та сторона была вся золотая: белый атлас и бриллианты дам; расшитые мундиры камергеров; генералы, засыпанные орденами; красные сенаторы. Посере-

⁹⁵ Имеется в виду зал Общих собраний Таврического дворца.

⁹⁶ Имеется в виду князь Г. А. Потемкин-Таврический.

⁹⁷ А. В. Еропкин ошибается. Заседания Думы были открыты 27 апреля 1906 г.

⁹⁸ Имеется в виду Совет министров.

⁹⁹ Кунтуш (*укр.*), контуш (*польск.*), кунтуш (*белор.*) – верхняя мужская или женская одежда с отрезной приталенной спинкой и небольшими сборками и отворотами на рукавах.

дине между нами по всей зале к трону должна была пройти царская семья. Когда все были расставлены по своим местам, водворилась тишина. Несколько минут томительного ожидания. Затем отворяются двери, появляется гофмаршал, весь в золоте, и ударяет жезлом: государь идет! Момент чрезвычайно торжественный, и я глубоко уверен, что у всех народных депутатов без исключения дрогнуло сердце от никогда не виданного зрелища величия верховной власти, олицетворяющей величайшую в мире империю.

Государь шел по обыкновению своему очень спокойно; за ним следовали императрицы. Мне бросилось в глаза, что императрица-мать казалась очень встревоженной, с лицом напряженным, покрытым красными пятнами. Впоследствии это объяснилось: говорят, царя предупреджали и советовали отменить высочайший выход, ибо могут произойти эксцессы. Какое же чувство испытывала императрица-мать, выступая на эту голгофу. Государь взшел на трон и стал один на возвышении; взял бумагу и громко и внятно, так, что хорошо было слышно во всей очень большой зале, прочитал приветствие Государственной думе, где члены ее были названы «лучшими людьми всей России».

Насколько помнится, на другой день последовало открытие Государственной думы, которое также обставлено было очень торжественно¹⁰⁰. Открыть заседание Думы до выбора ее председателя возложено было на товарища председателя Государственного совета престарелого сановника Голубева¹⁰¹. Зал заседаний и хоры для публики полны. Налицо весь Кабинет министров¹⁰² с председателем Горемыкиным¹⁰³ во главе. Медленно поднимается временный председатель Голубев на высокую трибуну, произносит приветствие Думе и предлагает ей избрать своего председателя. По многочисленности руководство Думой взяли на себя кадеты в согласии с левыми и польскими депутатами, ее председателем был заранее намечен профессор С. А. Муромцев¹⁰⁴. Против этой кандидатуры ничего нельзя было возразить, ибо Муромцев соединяет в своем лице и эрудицию, и высокую порядочность, и авторитет, и представительную внешность. Выборы эти прошли быстро и гладко, если не ошибаюсь, единогласно¹⁰⁵.

Под гром аплодисментов профессор Муромцев с обычной своей торжественностью тихо поднимается на председательскую трибуну. Голубев низко кланяется ему и как бы передает ему свою власть, уступает ему свое место: момент в высокой степени торжественный и исторический; старая власть – бюрократическая уступает свое место новой власти – народной. К этому торжественному моменту внушительная, серьезная фигура профессора Муромцева как нельзя лучше подходила.

Порядок заседания был заранее подготовлен кадетами по соглашению с левыми: первый же шаг Государственной думы был глубоко демонстративным; прежде чем обратиться к Думе с приветствием и конструировать президиум, председатель Думы дает слово депутату Петрункевичу¹⁰⁶, одному из вожаков кадетской партии, тверскому земцу, самое имя которого означало уже какую-то демонстрацию по адресу правительства. Так оно и оказалось, депутат Петрунке-

¹⁰⁰ А. В. Еропкин ошибается. Заседание Думы открылось в тот же день, 27 апреля 1906 г.

¹⁰¹ Голубев Иван Яковлевич (1841–1918) – государственный деятель, сенатор (с 1881 г.), действительный тайный советник (с 1901 г.), статс-секретарь (с 1910 г.). С 1906 г. товарищ председателя Государственного совета.

¹⁰² Имеется в виду Совет министров.

¹⁰³ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – государственный деятель, сенатор (с 1894 г.). В 1906 и 1914–1916 гг. председатель Совета министров.

¹⁰⁴ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – юрист, общественный и политический деятель. С октября 1905 г. член ЦК партии кадетов. В 1906 г. депутат и председатель I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание.

¹⁰⁵ А. В. Еропкин ошибается. С. А. Муромцев получил 426 голосов против 10.

¹⁰⁶ Петрункевич Иван Ильич (1843–1928) – политический и общественный деятель. В 1905 г. участвовал в организации конституционно-демократической партии, на I съезде избран членом ее ЦК, в 1909–1915 гг. председатель ЦК, с 1915 г. почетный председатель. Учредитель газеты «Речь» (1906). Депутат I Государственной думы (1906), возглавлял кадетскую фракцию, председатель Бюджетной комиссии. За подписание Выборгского воззвания был осужден и подвергнут трехмесячному заключению, лишен избирательных прав.

вич тотчас же внес предложение об амнистии политических заключенных под оглушительный гром аплодисментов своих единомышленников¹⁰⁷.

Понятно, что это была лишь демонстрация, ибо Государственная дума не могла так внезапно, без всякого порядка обсуждения законопроектов, вынести подобное постановление: законопроект должен пройти все установленные стадии обсуждения; а в таком виде, как его предложил депутат Петрункевич, это была лишь демагогическая формула, лишенная всякого практического значения. Здесь я впервые увидел знаменитого тверского депутата. Впечатление он производил неприятное: коренастый седоватый старичок с торчащими вихрами и с острой бородкой, с хриплым, неприятным, что называется, скрипучим голосом, а фигурой и манерами напоминавший старого либерального земца, привыкшего к почтению аудитории.

Правые скамьи первой Государственной думы были очень малочисленны и по существу вовсе и не являлись правыми, а чисто конституционными, занятыми партией октябристов, без своего главы Гучкова, который в Думу не прошел. Достаточно сказать, что на крайнем правом кресле сидел корректнейший и либеральнейший граф Гейден, председатель Вольно-экономического общества и многочисленных земских съездов, где, собственно, и выработывалась идея будущей Государственной думы; там же помещался известный орловский предводитель дворянства Стахович, будущий посол в Испании от Временного правительства; Варун-Секрет¹⁰⁸, будущий товарищ председателя Государственной думы; князь Н. С. Волконский и пр. Словом, вот такие лица, которых боялась местная администрация, считая их слишком левыми и красными в земстве.

Это очень характерное показание, каков был состав первой Государственной думы. После на наших местах в следующих Думах сидели Марков 2-й¹⁰⁹ и Пуришкевич¹¹⁰ и прочие столпы правых партий.

Октябристы в первой Государственной думе большие надежды возлагали на М. А. Стаховича, предполагая, что он будет их думским лидером. Однако Стахович оказался человеком слишком осторожным, слишком себе на уме, более всего помнящим о собственном имени, нежели о целях партии. За все время первой Думы он выступил всего один раз, и притом с такой осторожностью, чтобы не задеть левых, что было ясно, что он в лидеры не годится.

Лидером неожиданно оказался граф Гейден, который, несмотря на свой преклонный возраст, обладал энергичным, чтобы не сказать пылким характером и темпераментом: обыкновенно граф Гейден со своими небольшими, но очень едкими и остроумными репликами выступал почти по каждому вопросу, очень часто ставя в тупик ораторов слева. Его злого языка побаивались те, кто был поумнее.

Конечно, голос октябристов, насчитывающих около двадцати человек, в общем гвалте, который производила первая Дума, был совершенно не слышен. Мы были задавлены. Но кто никак не хотел пасовать перед левыми, так это наш рязанский депутат, зарайский городской голова Ярцев. По своему простодушному характеру он все надеялся урезонить и образумить левых. Но так как ораторскими способностями он не обладал, а уровень его образования был невысокий, то он по соседству часто просил меня написать ему на бумажке, что именно надо возразить, а затем с трибуны он по этой бумажке и говорил.

¹⁰⁷ А. В. Еропкин ошибается. И. И. Петрункевич выступил с требованием амнистии еще до избрания председателя.

¹⁰⁸ Варун-Секрет Сергей Тимофеевич (1869–1962) – общественный и политический деятель. С 1904 г. председатель Елисаветградской земской управы. Депутат I, II и IV Государственной думы от Херсонской губернии. Октябрист.

¹⁰⁹ Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866–1945) – общественный и политический деятель. В 1905–1909 гг. член Курской губернской земской управы. Один из основателей Курской народной партии порядка. Вошел в Союз русского народа. Депутат III и IV Государственной думы.

¹¹⁰ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический и общественный деятель, действительный статский советник (с 1912 г.). В 1904–1906 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел. В 1905 г. участвовал в организации Союза русского народа. Депутат II, III и IV Государственной думы.

Со мной, не стесняясь, в приятельской беседе он иначе и не называл всех левых, как «рвань коричневая». Его возмущению, впрочем, нельзя и удивляться, ибо левые в Думе вели себя действительно возмутительно. Как знаем, так делал Петрункевич. Кадеты так и усвоили себе этот вызывающий тон по отношению к правительству. Известен афоризм депутата Набокова¹¹¹: власть исполнительная да подчинится власти законодательной¹¹²; хотя, конечно, ему как узкому юристу было известно, что он говорит ересь и что такого юридического правила не существует.

Особенно дерзко держал себя Ф. Кокошкин¹¹³, с задором насканивал он на убранных сединами министров, как, например, на председателя Совета министров Горемыкина, обвиняя его чуть ли не в безграмотности, в невежестве.

Остальные кадеты, как более сдержанные, вели себя корректнее, хотя общий тон был вызывающий.

Но левые совершенно не знали удержу, и каждый своими дерзостями и выкриками по адресу правительства старался перешеголять другого. Особенно выделялись на этом поприще: Аладьин¹¹⁴, с фигурой и манерами апаши¹¹⁵; Аникин¹¹⁶, озлобленный мелкий сельский учитель и человек жалкий. Но наиболее развязным среди них оказался Аладьин, тот самый Аладьин, который в Лондоне был шофером и затем после большевистского переворота пришел с повинной в Крым к генералу Врангелю¹¹⁷ и организовал там крестьянский союз.

Остальным не хватало темперамента, но все стремились к идеалу: и Онипко¹¹⁸, и Заболотный¹¹⁹, и *tutti quanti*¹²⁰... Недоносков¹²¹.

Был какой-то сплошной митинг, а вовсе не законодательное собрание высшего учреждения. Ясно было, что Государственная дума так работать не может. Особенно ярко это сказало после роковой ночи Герценштейна¹²², впоследствии убитого в Финляндии. Герценштейн

¹¹¹ Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – общественный и политический деятель. С 1905 г. член ЦК партии кадетов. Депутат I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание.

¹¹² Имеется в виду цитата из выступления В. Д. Набокова 13 мая 1906 г.

¹¹³ Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – правовед, общественный и политический деятель. В 1905 г. участвовал в создании конституционно-демократической партии. С октября 1905 г. член ЦК партии. В 1906 г. депутат I Государственной думы. Один из авторов текста Выборгского воззвания. За его подписание был приговорен к трем месяцам заключения, которые отбывал в Таганской тюрьме в Москве в мае – августе 1908 г. В июле – августе 1917 г. государственный контролер во 2-м коалиционном составе Временного правительства. Был избран членом Учредительного собрания от Москвы. 28 ноября 1917 г. арестован большевистскими властями и заключен в Петропавловскую тюрьму. 6 января 1918 г. переведен в Маринскую тюремную больницу, куда 7 января ворвались матросы и зверски убили Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева.

¹¹⁴ Аладьин Алексей Федорович (1873–1927) – общественный и политический деятель. В 1895–1896 гг. вел пропаганду на Алгудьевской фабрике. В 1896 г. был за это арестован. Отправлен на поселение в Симбирск. Бежал за границу. В 1905 г. вернулся в Россию. Депутат I Государственной думы. Член Трудовой группы. После роспуска Думы остался за рубежом. В июле 1917 г. вернулся в Россию. Поддержал выступление Л. Г. Корнилова. Был арестован. Освобожден после прихода к власти большевиков. С 1920 г. в эмиграции.

¹¹⁵ Апаш (от *фр.* *apache*) – деклассированный элемент, хулиган.

¹¹⁶ Аникин Степан Васильевич (1868–1919) – политический деятель. С 1900 г. член партии эсеров. С 1905 г. страховой агент по Петровскому уезду Саратовской губернии. Участвовал в создании Всероссийского крестьянского союза. Депутат I Государственной думы, член Трудовой группы. Подписал Выборгское воззвание.

¹¹⁷ Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – военачальник. В 1919 г. командовал Кавказской Добровольческой армией. С апреля 1920 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. С ноября 1920 г. в эмиграции.

¹¹⁸ Онипко Федот Михайлович (1880–1938) – политический деятель. Депутат I Государственной думы, член Трудовой группы. Подписал Выборгское воззвание.

¹¹⁹ Заболотный Иван Кириллович (1868–1912) – депутат I Государственной думы от Подольской губернии. В Думе член Трудовой группы.

¹²⁰ Все подобные (*итал.*).

¹²¹ Недоносков Владимир Васильевич (1877–?) – депутат I Государственной думы от Уральской области. Входил в Трудовую группу.

¹²² Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) – экономист, общественный и политический деятель. С 1905 г. член конституционно-демократической партии. В 1906 г. депутат I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание. Убит членом «Союза русского народа».

выступил по аграрному вопросу и, защищая кадетский тезис о принудительном отчуждении помещичьих земель, счел возможным говорить и о деревенских иллюминациях¹²³. Именно по этому земельному вопросу первая Дума и была распущена.

После знаменитого ночного бдения, когда Дума заседала всю ночь, пережевывая этот аграрный вопрос, причем левые еще и перещеголяли Герценштейна, Дума была распущена. Когда утром 8 июля мы пришли на заседание¹²⁴, то нашли решетчатые ворота, ведущие к Таврическому дворцу, закрытыми, и военная стража никого туда не пропускала.

Почему-то власти опасались больших волнений, и приняты были всевозможные меры предосторожности: я в тот же вечер выехал из Петербурга в Кораблино, где находилась моя <...>¹²⁵. И наш поезд почему-то шел без огней, а все окна были тщательно завешаны. Но когда я приехал к себе в деревню и на другой же день у меня во дворе собрался большой деревенский сход по поводу аренды земли, то я убедился, насколько опасения эти были преувеличены: крестьяне очень мало интересовались тем, что Дума распущена или, как тогда выражались, разогнана. Мне хотя и задавали по этому поводу вопросы, но без всякого интереса, просто из любезности.

Известно, какой скандальный провал в народе постиг знаменитое Выборгское воззвание: каких только угроз ни наговорили раздосадованные депутаты, что их ставка бита и власть осталась в прежних руках: не платите налогов, не давайте рекрутов – полная революция по указке народных депутатов, которые, однако, сами предпочли уехать из столицы в Финляндию, где писать манифест к русскому народу было безопаснее¹²⁶

¹²³ Имелись в виду поджоги помещичьих усадеб.

¹²⁴ А. В. Еропкин ошибается. Манифест о роспуске Думы был провозглашен в воскресенье.

¹²⁵ В рукописи слово пропущено; вероятно, «деревня».

¹²⁶ Имеется в виду Выборгское воззвание, подписанное депутатами 10 июля 1906 г.: «Граждане всей России! Указом 8 июля Государственная дума распущена. Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручали нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного характера отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны. Когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы. Граждане! Стойте крепко за попранные права народного представительства, стойте за Государственную думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе, ваши выборные люди будут с вами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.